

С. С. Алексеев

СВОБОДА
ценою в жизнь

С. С. АЛЕКСЕЕВ

Свобода ценою в жизнь. Мемуары

* * *

Интервью portalу Закон.ру

*Екатеринбург
2012*

С. С. АЛЕКСЕЕВ

Свобода ценою в жизнь. Мемуары

* * *

Интервью portalу Закон.ру

*Екатеринбург
2012*

УДК 347

ББК 67

А47

Об авторе

Алексеев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (1991; член-корреспондент АН СССР с 1987 года), лауреат Государственной премии СССР (1977), Заслуженный деятель науки РСФСР (1974), первый лауреат высшей юридической премии России «Юрист года» (2009), научный руководитель Института частного права.

Алексеев С. С.

А47   Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью порталу Закон.ру / С. С. Алексеев. – Екатеринбург: Институт частного права, 2012. – 32 с.

В настоящей публикации представлена новая работа С. С. Алексеева – «Свобода ценою в жизнь. Мемуары», а также текст интервью, данного им порталу Закон.ру.

УДК 347
ББК 67

© Алексеев С. С., 2012

АЛЕКСЕЕВ Сергей Сергеевич
Свобода ценою в жизнь. Мемуары
Интервью порталу Закон.ру

Подписано в печать 10.07.2012. Формат 60×90^{1/16}

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл. печ. л. 2,0. Тираж 500. Заказ № 1308.

Отлечатано с готового оригинал-макета в Типографии ИВЦ
620142 Екатеринбург, ул. Цвиллинга, 4
тел.: (343) 257-14-17, 260-40-42

Свобода ценою в жизнь.

Мемуары

УДК 347
ББК 67

А47

Об авторе

Алексеев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (1991; член-корреспондент АН СССР с 1987 года), лауреат Государственной премии СССР (1977), Заслуженный деятель науки РСФСР (1974), первый лауреат высшей юридической премии России «Юрист года» (2009), научный руководитель Института частного права.

Алексеев С. С.

А47

Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью порталу Закон.ру / С. С. Алексеев. – Екатеринбург: Институт частного права, 2012. – 32 с.

В настоящей публикации представлена новая работа С. С. Алексеева – «Свобода ценою в жизнь. Мемуары», а также текст интервью, данного им порталу Закон.ру.

УДК 347
ББК 67

© Алексеев С. С., 2012

АЛЕКСЕЕВ Сергей Сергеевич
Свобода ценою в жизнь. Мемуары
Интервью порталу Закон.ру

Подписано в печать 10.07.2012. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 2,0. Тираж 500. Заказ № 1308.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Типографии ИВЦ
620142 Екатеринбург, ул. Цвиллинга, 4
тел.: (343) 257-14-17, 260-40-42

Свобода ценою в жизнь.

Мемуары

УДК 347

ББК 67

А47

Об авторе

Алексеев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (1991; член-корреспондент АН СССР с 1987 года), лауреат Государственной премии СССР (1977), Заслуженный деятель науки РСФСР (1974), первый лауреат высшей юридической премии России «Юрист года» (2009), научный руководитель Института частного права.

Алексеев С. С.

А47   Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью порталу Закон.ру / С. С. Алексеев. – Екатеринбург: Институт частного права, 2012. – 32 с.

В настоящей публикации представлена новая работа С. С. Алексеева – «Свобода ценою в жизнь. Мемуары», а также текст интервью, данного им порталу Закон.ру.

УДК 347

ББК 67

© Алексеев С. С., 2012

АЛЕКСЕЕВ Сергей Сергеевич
Свобода ценою в жизнь. Мемуары
Интервью порталу Закон.ру

Подписано в печать 10.07.2012. Формат 60×90 1/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл. печ. л. 2,0. Тираж 500. Заказ № 1308.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Типографии ИВЦ
620142 Екатеринбург, ул. Цвиллинга, 4
тел.: (343) 257-14-17, 260-40-42

Свобода ценою в жизнь.

Мемуары

Несколько вступительных слов от автора

В настоящем сочинении отражена моя жизнь. Жизнь многолетняя, многоступенчатая, с трудностями, потерями, приобретениями. За свою жизнь мне удалось, как я полагаю, пережив все потрясения вместе с нашей страной, создать некое теоретическое начало одной из главных идей действительности – идеи права, без признания и реализации которой наше общество, наших людей ждут большие беды.

Я все больше проникаюсь уверенностью, что, не будь в моей жизни непростых сторон и страшного прошлого, не случилось бы и сегодняшнего дня и не состоялось бы и это произведение.

Напоследок – еще одно замечание. Эти мои записки, разработки, осуществленные по просьбе моих друзей-правоведов, сделаны при обстоятельствах, не самых лучших для моего здоровья, и преодолеть эти обстоятельства, препятствия помогли моя дочь Ирина и моя внучка Марина. Великое им спасибо за это.

Глава первая ПАЦАНСКОЕ УТРО

Самое раннее утро моей жизни, то есть дня, который я помню (до этого было неосознаваемое младенчество), у меня оказалось особым, если можно так выразиться – пацанским. Почему?

Тогда мы приехали в город Свердловск с Орловщины в связи с командировкой моего отца, целью которой была организация статистического управления здесь, на Урале, и чуть ли не сразу были заселены в один из самых крупных домов города Свердловска в самом центре города, у центральной площади, в дом, полный целой оравы дошкольных ребят. Да и сам дом способствовал вольной, пацанской жизни: несколько парадных, лестница почти до крыши, возможность забраться на эту крышу (чем мы нередко пользовались), переходы из одного подразделения дома в другое – сложный дом, и этот дом тоже создавал какие-то элементы вольницы.

Но, пожалуй, не это было главным. Самое существенное заключалось в том, что около дома почти постоянно находилась так называемая «трибунка». Это было в тридцатые годы, и каждый год перед очередным советским праздником сколачивались трибуны для высоких персон, а под этим строением, подчас неуклюжим, оказывалось несколько пустых помещений. И эта «трибунка» для ребят не только из нашего дома, но и соседних домов стала пристанищем. Те, кого на-

зывали «пацаны», неорганизованные ребяташки, и до школы, и первые годы учебы в школе проводили там много времени.

В этих помещениях мы устраивали свои посиделки: каждый вечер собирались пацаны из нашего и соседних домов. И здесь начиналась вот эта самая «пацанская» жизнь. Наши первые игры. Мы играли костяшками в так называемые «бабки» – сейчас, наверное, никто не помнит такой игры.

Там же происходило выяснение отношений, потому что надо было утвердить свой статус в сообществе ребят, добиться своего признания. Вместе с тем, оглядываясь на то далекое прошлое, я должен признать, что, наряду с вольницей пацанской и озорством, постепенно начали складываться здесь, в трибунах, в этом сообществе пацанов, некоторые и тревожные, пожалуй, некоторые тяжкие какие-то стороны – не только вольница и озорство, а нечто такое, что идет чуть-чуть от криминала, от мест заключения, в которых уже побывали некоторые ребята по тем или иным поводам. В речи появились, прямо скажем, неведомые нам словечки, которые называются матом, потом у многих они сохранились на всю жизнь.

В команде появился заводила – так называемый Костя Капитан. У него была капитанская кокарда с блестящим козырьком и, в связи с этим, бог знает, какое уважение.

Почти все стали курить. Должен признаться, я уже в двенадцать-тринадцать лет начал курить и потом курил еще очень долго, до той поры, пока не остановился, серьезно занявшись спортом – горным туризмом. Причем остановился очень быстро, раз – и все. Но курил очень долго – и в школьных туалетах, и в армии. Солдатам выдавали маршанский табак по полпачки на неделю. Так что курение было для меня обычным делом. Не скрою, однажды глотнул и какого-то спиртного – такого очень привлекательного и, вместе с тем, ужасного, как я почувствовал потом. И недаром почувствовал. Отозвалось в моей жизни это тоже неоднократно.

Таким было пацанское утро моей жизни, которое я помню.

Глава вторая ПИОНЕРСКОЕ ЗАРЕВО

Когда мы пошли в школу, наступила другая жизнь. Наряду с пацанской, той, которая казалась немного скрытой, началась пионерская пора. Эта была другая, школьная жизнь – не только занятия, что вполне естественно, но и то, что с нынешних позиций представляется очень существенным.

Сначала нас, малышей первых-вторых классов, приняли в октябрята, потом в пионеры. Галстуки у нас были красные, с замочками. Эта пионерская сторона жизни оказалась многогранной. Здесь порой проявлялись и какие-то светлые начала.

Мне, например, вспоминается, как мы с ребятами, уже пионерами (без галстуков, правда), собирались на крыше нашего дома. Был у нас один гитарист, и мы пели песни тех лет – не заунывные тюремные песни, а хорошие песни, которых было немало и в ту пору. Мы сидели в выемке на крыше и пели эти песни, наслаждаясь общением с хорошей музыкой и друг с другом.

Позитивной стороной в пионерской жизни были и так называемые «кружки». Я, например, в старших классах увлекся геологией, ходил в геологический кружок, а потом и в геологоразведочные экспедиции, чем помог маме в трудную минуту материально. Были и другие кружки. Большим успехом пользовались модельные кружки, в которых строили модели самолетов.

Но основным в пионерской жизни все же было совсем иное, и оно было страшным, беспрепятственно надвигаясь на нас, еще совсем молодых людей.

Дело в том, что через пионерские отряды, костры, походы вершилось воспитание в нас приверженности к сталинизму, внушалось, что Сталин – это человек, который создал наше счастливое детство, и мы должны верно служить идее ком-

мунизма, чего бы это ни стоило, а при необходимости – идти даже против своих родителей. Нам приводили примеры, касающиеся Николая Островского и Павлика Морозова: верно служить, если надо – докладывать в органы госбезопасности обо всех врагах народа, которые существуют и мешают нам жизнь. Это поклонение великому Сталину и другим вождям коммунизма стало самым главным и очень тяжким бременем, иной стороной жизни и в школе, и вне школы тоже.

В ту же пору у нас случилось большое несчастье. В 1937 году был арестован, как враг народа, мой отец. Это была беда для всей семьи. Нас сразу же переселили в совсем другие комнаты, более бедные, а потом – в вообще почти непригодные для жилья помещения. Было мало средств к существованию. Пользуясь тем, что увлекался геологией, я с помощью близких людей (слава Богу, поддержали) поступил коллектором в геологоразведочное управление и работал там на полставки.

Но самым тяжелым было то, что наша братия, которую я называл пацанской и которая воспитывалась в комсомоле, совершенно равнодушно отнеслась к этой моей беде. Она не воспринималась как беда. А подчас проскальзывала мысль: если арестовали, значит, не напрасно, значит, что-то было. Ко мне приклеилось клеймо сына врага народа. Мой отец отсидел десять лет на Колыме, занимался невыносимо тяжелой работой. Сейчас порой вспоминают то проклятье, которое было во времена ГУЛАГа, как много людей пострадало. Но пострадали не только те, кого расстреляли и кто в лагерях. К сожалению, близкие, казалось бы, люди из пацанского окружения, братия с некоторым налетом криминала, относившаяся с почтением к тем, кто был в лагерях, восприняли это с равнодушием.

До сих пор мы недостаточно понимаем, какую злоеющую роль сыграла вся эта пионерия, пионерское зарево, как я обозначил в заголовке, в жизни людей той поры. Нас

воспитывали в сталинском духе. Я в то время верил Сталину и вождям. Арест отца рассматривал как случайность, думал, что скоро все образуется, встанет на свои места, хотя теперь вижу, что в то время мы все переживали очень тяжкую человеческую беду.

Глава третья

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ПЕРВЫЙ

Где-то к 40-му году – война в 41 году началась – и пацанское, и пионерское детство со всеми потрясениями того времени заканчивалось.

Картина примерно такая: у подъезда знаменитого дома на Урицкого, 1 – это тот дом, в котором я жил – в одно время дня можно было видеть до полутора десятка парней старшего пионерского возраста, неких, увы, недорослей, еще не знающих, куда им деться. Только один из парней уже устроился на постоянную работу, учеником часовщика в часовую мастерскую. Да и я уже в это время ездил в геологоразведочную экспедицию, сначала в Вишневые горы, потом – в Карталы. Остальные будто ждали судьбы.

Уже сверкнула тайно во всех любовь к Ларе. Это была самая красивая девчонка из пристроя внутри нашего двора. И впрямь, действительно писаная красавица. Уже минул первый день войны, двадцать второе июня, все осознали, что с востока на запад уже идут воинские эшелоны. У всех было одно на уме: скоро-скоро немцам каюк. Все до одного были уверены. Жаль, что Ленина нет: он бы быстрее привел нас к победе, думали мы. Еще быстрее бы разделились с этой немчурой. Прошел слухок: вся футбольная команда «Динамо» ушла на фронт. Вот бы с ними! Большинство парней получили повестки из военкомата. Собирался в армию и я.

Глава четвертая

АРМИЯ: ЧЕРНОРАБОЧИЙ ВОЙНЫ

Я начну с одной неожиданной подробности. Шла война, а меня в армию не брали. Все очень просто: в военкомат поступили сведения, что я сын врага народа, а таких людей посылают на трудовые работы, в трудовую армию, но не на фронт. Хотя, замечу, что это правило действует не всегда, потому что в дальнейшем меня без всяких оговорок приняли в камышловское пехотное училище и назначили на довольно высокий пост в комсомоле на фронте.

Во всяком случае, мне пришлось потратить немало сил, чтобы убедить военкома, что я иного пути не вижу, кроме как идти в действующую армию, защищать страну. Замечу, между прочим, что в глубине души я надеялся: добьюсь ухода на фронт, а там, если выйду живым из этой бойни – хорошо, но даже если со мной что-то случится, я перестану быть сыном врага народа, положение которого очень унижало меня в то время.

Меня призвали осенью 42-го года и сразу направили в Еланские лагеря. Это наиболее обширные лагеря подготовки военнослужащих около Екатеринбурга (тогда Свердловска). Положение в Еланских лагерях было очень сложное, особенно потому, что в те дни, когда я вместе с другими попал туда, пришли эшелоны из мест заключения. Оказывается, освобождали уголовников, совершивших не самые тяжкие преступления, давали им возможность идти на фронт, и они попадали в Еланский лагерь для формирования воинских эшелонов, маршевых рот.

И здесь случилось то, что, может быть, покажется неожиданным в моем рассказе. Прибывшие заключенные – не все, но, во всяком случае, их часть – пытались установить свои порядки в лагерных помещениях, а мы жили с ними в одном корпусе. Точнее, это был не корпус, а гигантская такая палатка с двумя рядами нар. Уголовники хотели установить свой

порядок. Они объявили, что все пайки должны сдаваться смотрящему, а он будет решать, кого кормить, а кого – нет. И вот здесь пригодилось полученное в прежней пацанской жизни. Оказывается, это может принести пользу. Те ребята, которые прошли это, мои друзья, встали твердой стеной против таких порядков. Назревал жуткий конфликт, но его удалось устранить только путем того, что мы сдали этих главарей – паханов, явившихся из мест заключения. Так что оказалось, что и пацанская жизнь может принести какую-то пользу. Бывает и такое. Я убедился, что, к сожалению, в ряде случаев силе может противостоять только другая сила. Сила пацанов, с которыми мы вместе были мобилизованы, оказалась достаточной для того, чтобы противостоять натиску, исходившему от приехавших из лагерей.

Вместе с тем, спустя некоторое время случилось так, что меня неожиданно, даже не очень спрашивая, направили в Камышлов. Это город, расположенный недалеко от Еланских лагерей, там находится пехотное училище. И тут уже не играли роли никакие паспортные данные. Закончил десятый класс? – Да. – Хорошо. Будешь командиром роты, когда закончишь училище.

Началась учеба, и продолжалась она чуть больше месяца. Но потом, видимо, обстановка осложнилась, вышли известные сталинские приказы (в том числе № 227, если я не ошибаюсь): должны быть мобилизованы все силы, чтобы противостоять врагу. И всех нас, в том числе и меня, зачислили в маршевые роты. Так я оказался в пути на фронт. Нам говорили, что повезут в Сталинград: там намечалось гигантское сражение, положение было тяжелое, и нужно было пополнение. Неожиданно на станции Буй эшелон повернул на север. Рассказывали, что один солдат, вернувшийся из госпиталя и уже побывавший на севере, покончил жизнь самоубийством, не решился ехать туда, где Ленинград, на Волховский фронт.

В конечном счете, нас привезли в распределительный лагерь Волховского фронта. Меня направили на фронт. Оказывается, там нужны были крепкие руки, и определяющими качествами оказались не столько мужество или по какие-то другие данные, сколько физическая подготовка. Решающую роль сыграло то, что до войны я побывал в геологоразведочной экспедиции, успел немного окрепнуть. Это помогло тому, чтобы меня направили на фронт.

Дело в том, что немцы, отступая с третьего кольца, окружавшего Ленинград, вышли на сухое место, а все наши части остались в болотах, и нужно было через эти болота строить дороги, лежневки или дощатки, когда доски прибывали. Надо было самим рубить лес, таскать огромные бревна и устраивать дороги для проезда наших частей на передовую и госпитальных машин с ранеными с фронта, которые шли ночью. Я оказался в одном из батальонов, который занимался устройством этих дорог.

Я испытал то, что впоследствии у меня осталось в памяти основным впечатлением о войне: это невыносимо тяжело. Нас, городских мальчишек, направили сразу же в лес рубить вековые елки, сосны, таскать их на дорогу, делать лежневки через болота. Работа требовала почти сверхъестественной силы и каких-то невероятных качеств. Однажды режиссер Петр Тодоровский, который сам был на фронте, сказал, что самое тяжелое на фронте – это то, что там нечеловеческие усилия нужны.

Я должен сказать: то, что наши солдаты смогли построить такие необходимые армии дороги, чтобы обеспечить части на передовой всем необходимым и достаточным и, в конце концов, ликвидировать блокаду Ленинграда, прорвать фронт, – это была созидательная работа. И когда после войны работы по восстановлению страны пошли довольно быстро, мне это не показалось чудом, потому что это было заложено еще в военное время – не только героизм, борьба насмерть

с немцами, но и то, что нужно работать, нужны усилия и созидательное дело. А для себя лично я понял, что самое главное в жизни – это суметь перетерпеть тяжелые минуты жизни, найти в себе силы и решить вопросы так, как того требует обстановка в данный момент.

И еще скажу. Я вышел из армии другим человеком. Не знаю, в чем это выражается. Наверное, на этот счет надо было бы особые исследования провести, но я почувствовал себя другим человеком, когда вернулся. И поэтому моя жизнь пошла уже не так, как если бы я не был в армии, в этой очень тяжелой обстановке. Так что армия меняет человека в лучшую сторону, если является хорошо организованной силой. Это самое главное, что я вынес из службы в армии во время войны.

Мы были чернорабочие войны. Чернорабочими войны были все солдаты. Они сами копали себе блиндажи, сами носили бревна, сами строили себе надолбы, сами делали переправы, забивая сваи в грунт бабами. Это время не прошло даром. До сих пор я считаю себя в чем-то солдатом, человеком, который прошел войну и многое на этой войне приобрел. Спасибо тебе, армия.

Глава пятая РАЗНОЗНАЧИМОЕ НАЧАЛО

Сложное, не совсем привычное слово в названии главы, но оно объясняет суть дела. Я думаю, что, дочитав главу до конца, читатель поймет, о чем идет речь.

После демобилизации из армии – это было осенью 1945 года – я твердо решил продолжать учиться. Средняя школа была окончена. Я знал о том, что Министерством образования изданы особые приказы, согласно которым демобилизованные, имеющие неполное среднее образование, получают соответствующие дипломы. Так что учиться в средней школе мне не нужно было. Речь шла об обучении в вузе.

Теперь о том, как я попал в юридический институт (я об этом уже писал в одном из других своих сочинений, связанном с трудным периодом становления права в нашей стране). Для меня это случилось неожиданно. Однажды вечером сестра моего друга Ильи Михайлова, только что вернувшегося с фронта, которая училась в юридическом институте, поведала, насколько интересно там учиться. И вдруг мне подумалось: вот я хорошо знаю фронт, видел человеческие отношения, страсти, проблемы, возникающие там, а теперь можно будет и в мирной жизни, через юриспруденцию, узнать те проблемы, которые существуют в человеческих отношениях в нашей стране.

В связи с тем, что я опоздал на официальный присем, занятия в юридическом институте начались для меня на заочном отделении. На этих занятиях мне встретился человек, который оставил большой след в моей жизни. Это – Александр Маркович Винавер. Он был большим специалистом не только в гражданском праве (об этом я еще скажу дальше), но и в теории права тоже. На этих занятиях на заочном отделении мы узнали о том, что есть юридическая норма, в ней есть гипотеза, санкция, диспозиция, что существуют различные виды юридических норм.

Я увидел, что наряду с политикой, которая довлела в нашем образовании, в юридической науке есть твердая теория – объективная, отражающая реальные вещи, существующие в жизни.

Через некоторое время меня перевели на очное отделение. На очном отделении случилась, скажем так, грандиозная, фантастическая удача. Меня вдруг неожиданно назначили сталинским стипендиатом. Не было никаких конкурсов, особых занятий, проверок. Видимо, то ли по отзывам преподавателей, то ли еще по каким-то свидетельствам меня выбрали и сделали сталинским стипендиатом.

И это принесло два существенных последствия: во-первых, возник достаток в семье, потому что сталинская сти-

пендия была довольно значительная, около тысячи рублей, а моя мама зарабатывала совсем немного лаборантом на металлургическом факультете индустриального института; во-вторых, и это уже минусовый знак, случилась некоторая вольница: я почувствовал, что у меня есть деньги в кармане. Теперь я мог с друзьями с нашего курса, тоже солдатами, после занятий зайти в ресторанчик, выпить-закусить. Так что это служило еще знаком известной вольной жизни, не той пацанской, о которой я говорил в начале, но после солдатской жизни, после фронта все это имело большое значение. Но через некоторое время на меня «обрушился холодный душ».

Дело в том, что меня как сталинского стипендиата планировали отправить в Москву на учебу в аспирантуру, в одно из ведущих научных учреждений по праву, для продолжения обучения в области теории государства и права. Но деньги к тому времени иссякли, и у мне не хватало их даже на билет.

Так что Москва уже не ожидалась, осталась в стороне. Неудача? Да нет, это оказалось большой удачей, потому что я оказался среди учителей своего института, больших мастеров своего дела. Я уже упомянул Александра Марковича Винавера. Был еще мой будущий научный руководитель Борис Борисович Черепяхин, глава кафедры гражданского права, на которую я сразу же поступил, когда не уехал в Москву. То есть попал я в недра одной из ведущих наук – гражданского права, которую еще называют цивилистикой.

Таким образом, неудача, связанная с перспективой поехать в аспирантуру в Москву, как это бывает иной раз в жизни, обернулась небывалой удачей: я остался в своем родном институте, сразу же был принят в аспирантуру по гражданскому праву, вошел в состав мощного коллектива специалистов по гражданскому праву под руководством Бориса Борисовича Черепяхина. И это во многом определило мою последующую жизнь, скажу больше – мою судьбу.

Все это произошло потому, что на этой кафедре я начал глубоко изучать одну из ведущих юридических наук – гражданское право, а вместе с ним и общую теорию права. Глубине проработки способствовало также и то, что в процессе постижения сути цивилистики мне посчастливилось почти сразу подготовить к публикации и издать несколько книг.

Глава шестая ЗДРАВСТВУЙ, ЧИТАТЕЛЬ!

Так что скоро, ведя напряженную работу на кафедре гражданского права, я внезапно стал автором книг.

Полное поглощение деятельностью в сфере цивилистики раскрыло перед исследователем, которым я стал, широкие просторы для размышлений и анализа. Здесь и отдельные предметы, опосредованные гражданским правом, и разнообразные юридические конструкции, связанные с осуществлением человеческой деятельности. Множество предметов такого рода привлекало тогда мое внимание.

Один из них – гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. Юридическое построение, которое я разработал, оказалось весьма своеобразным, и к нему проявило интерес одно из центральных издательств страны.

Но в этой книге пришлось, наряду с общими вопросами, касающимися ответственности за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов, коснуться и других вопросов. Разговаривая с редактором в издательстве, я узнал, что читатель интересуется, в частности, анализом таких юридических категорий, как сделка, односторонняя сделка, ответственное хранение. А все эти институты появились при рассмотрении ответственности за невыполнение плана железнодорожных перевозок грузов. Я понял, что при написании книги нужно не только воплощать в жизнь свой замысел, но

и учитывать интересы читателей. Я коснулся этих как раз вопросов: сделок, односторонних сделок и ответственного хранения. И книга получила некоторое признание. Мне даже известно, что она без всяких ссылок на меня была переиздана не так давно.

И во всех последующих изданиях, которые мне приходилось осуществлять, – а приходилось писать книги, брошюры, статьи, учебники – я всегда учитывал интересы читателей. Это очень важный аспект науки. Надо знать, что ты не только какие-то закономерности обнаруживаешь, открываешь, касаешься этих закономерностей, каких-то проблем существенных объективного характера, но есть еще интересы у читателей. Их обязательно нужно учитывать.

Конечно, это большая удача для молодого ученого, еще аспиранта, издать отдельную книгу. Впоследствии, спустя некоторое время у меня вышла другая книга, уже в рамках института, по теме моей докторской диссертации, – «Предмет гражданского права». Я понял главное: в книге должно быть выражено не только понимание автором закономерностей и особенностей тех или иных явлений, но должен быть учтен и удовлетворен интерес читателей. В связи с этим я навсегда запомнил, что книга – это не только воплощение твоего замысла, интереса, твоих разработок, но также это и ответ автора на запросы читателя, и это принципиально важно. И в дальнейших своих книгах я строго следовал вот этой самой парадигме.

Глава седьмая ГЛЫБЫ НАУКИ

Глубокое изучение гражданского права, как и других отраслей юридической науки, таких, например, как теория государства и права, как будто бы не представляло особой сложности. Юриспруденция складывалась столетиями,

а то и тысячелетиями... Но все дело в том, что юриспруденция прошлого имеет догматический характер, то есть касается в основном внешней формы права, его применения, толкования, элементарных требований законности. Между тем, сама жизнь требовала постижения смысла и предназначения права, и применение к юриспруденции новейших методологий стало насущной необходимостью. Оказалось, что использование в юриспруденции новейших философских и социологических знаний – это усвоение цельных, скажем так, глыб, блоков, или корпусов, знаний.

Так, обогащение теории права с помощью философских и социологических данных, в особенности учения И. Канта, напрашивалось именно в виде упомянутой глыбы, где во всей своей целостности предстает сама идея права, как высшее достижение цивилизации и культуры, способное обеспечить свободу! Такой подход неизбежно приводит к пониманию смысла права, способного выступать в качестве реального гаранта свободы в обществе.

Но долгое время такой ракурс в понимании права не срабатывал; идея верховенства права оказалась абсолютно невозможной при сталинском режиме. Требовалось изменение условий и порядков в жизни общества, требовалось время.

И такого рода изменения начали назреть в 80-х годах прошлого столетия, и во второй половине 80-х, с приходом к власти М. С. Горбачева, действительно наступили.

Дальше в трех предельно кратких основных фрагментах (в целях единства структуры названных главами 8, 9, 10) ограничусь характеристикой смысла права, его верховенства.

Глава восьмая ПЕРЕЛОМ

На первый взгляд казалось, что в 80-е годы ничто не предвещает грандиозного перелома. Казалось, шла дальнейшая

проработка экономических методов при социализме. В качестве примера можно назвать модный тогда так называемый арендный подряд. Никто не замечал, что в самом понятии содержится несуразица, противоречие. Сам я уже тогда ушел от этого понятия и использовал только термин «аренда».

И все же в упомянутые годы произошел грандиозный перелом.

Здесь принципиально важен сам феномен Горбачева. Причем не детали и частности, а тот факт, что впервые за многовековую историю Горбачевым и его командой был дан старт к свободному обществу. А значит, и к праву в самом высоком его значении.

Это и осуществилось в государственно-правовом строительстве, которому посвящена следующая глава.

Глава девятая ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

На основе того перелома, который осуществился в нашей стране в виде перестройки, шло последовательное созидание демократической государственности, и эта государственность оказалась, по сути дела, парламентской властью, которая осуществлялась в виде принятия законов, в виде того, что основные должности в нашей стране и в исполнительной власти, в области президентских структур, и в судебной власти осуществлял Верховный Совет. Он принимал решение по каждой кандидатуре, причем в ряде случаев шло подробное обсуждение каждой кандидатуры.

Именно в парламентской власти надо видеть истоки той демократической власти, которая стала складываться в нашей стране. Что касается президентских структур, то они действительно создавались в этот период для осуществления законов, для повышения управляемости в обществе. А в период уже Российской республики – для проведения

экономических (гайдаровских) реформ. Тогда казалось, что рыночные отношения могут быть введены и будут установлены сверху.

И хотя в Конституции 1993 года мы старались определить власть президента довольно стойким и ограниченным каталогом властных полномочий, все же путем толкования и принятия новых законов президентская власть оказалась оснащенной весьма широким спектром властных полномочий самого различного вида, касающихся и назначения на должность – то, что раньше решал парламент, – и решения каких-то государственных дел, Основным аргументом здесь было следующее: раз президент – глава государства, он отвечает за все, и по всем вопросам вправе принимать любые удобные и необходимые, какие он считает, меры властного порядка. А на самом деле таким путем росло всевластие, более того, иногда утверждалось и самодержавие власти.

Наряду с работой постоянно действующего Верховного Совета, принимались решения о создании и других органов власти, в том числе Комитета конституционного надзора, своего рода предтечи конституционного правосудия, предисловия к нему, начальной фазы проработки. До сих пор, кстати, об этом Комитете вспоминают как о довольно существенном факторе деятельности того времени, потому что им, как я недавно прочел в одном из зарубежных изданий, было запрещено негласное законодательство секретных структур.

На самом деле здесь положение такого порядка: были признаны недействительными некоторые положения о деятельности органов государственной безопасности и других аналогичных органов, в которых говорится об ограничении прав человека. Но это не было доведено до сведения всех граждан. Это действительно, я считаю, мужественное решение, которое было принято в то время. Жаль, что оно не было воспроизведено в последующие периоды работы органов

конституционного правосудия. Но дело было сделано, шаг был совершен.

На одном международном форуме мне довелось услышать мнение канадского правоведа, который сказал, что наиболее строго соответствующие западным стандартам положения были внесены в современное российское новое законодательство через Комитет конституционного надзора. Вместе с тем, я хотел бы здесь отметить одну грань, которая касается не правовой материи, а может быть, главного предмета, из-за которого я затронул этот институт – Комитет конституционного надзора.

Дело в том, что в Комитете конституционного надзора сложился высокопрофессиональный коллектив. Я уже писал ранее о Собчаке и Калмыкове применительно к парламенту. В Комитете тоже был целый отряд юристов, которые уже работали на уровне правосудного дела. И мы очень трепетно относились к тому престижу, которым обладают органы, занимающиеся этим непростым делом – конституционным правосудием.

Уже в то время в некоторых сферах нашей жизни намечалась тенденция использования власти для извлечения прибыли, обогащения, получения высоких зарплат. Когда я услышал, что планируется повышение зарплаты ведущим работникам Комитета конституционного надзора, я позвонил в хозяйственное управление и сказал, чтобы они не делали этого, но они не согласились, заметив, что это было общее решение. Тогда мы между собой решили, что эти надбавки мы используем по своему усмотрению – не для того, чтобы увеличить свою заработную плату, а для других дел. Я, в частности, эту надбавку стал ежемесячно направлять в госпиталь инвалидов Отечественной войны, с которым ранее имел дело в связи со своими болячками. Я хотел, чтобы эти материальные ресурсы пошли на какие-то благодатные, благородные цели.

К сожалению, этот наш порыв, этот шаг не имел продолжения. А это очень жаль, потому что извлечение доходов из властной деятельности, особенно такой тонкой, как судебная, тем более судебного правосудия конституционного порядка – это уже некая другая стезя. Здесь нужно быть очень осторожным и строго следить за каждым своим шагом. Мне казалось, что этот пример может как-то повлиять на наших коллег. Но, как я сужу по нынешней действительности, к сожалению, не очень повлиял. Но он был сделан. Может быть, он так и останется в истории, как шаг в указанном мною направлении.

Теперь о президентской власти. По мере работы постоянно действующего Верховного Совета, издания законов, деятельности должностных лиц выяснялось, что практически реальные дела не все осуществляются так, как написано в законах и как предусмотрено в иных постановлениях, что управляемость, осуществляемая через законодательство, оказалась не в полной мере соответствующей желанию.

И тогда возникла идея (я сразу скажу, что имел к этой идее известное отношение): иерархию тех должностных лиц, которые работают в данное время, надо дополнить еще одной структурой – президентской властью. Потом эта идея получила еще большее развитие, особенно когда уже на уровне Российского государства под руководством Бориса Николаевича Ельцина реализовывались гайдаровские реформы и появилась идея осуществить эти реформы сверху, решением властного порядка. Казалось, будет принято это решение, и все исполнится. А сейчас скажу, что эти надежды не оправдались. Эти добавления, которые были сделаны в отношении президентской власти, не выполнили намечаемой функции.

Росло стремление ко всевластию, к тому, чтобы власть была непоколебимой, достаточно жесткой и строго реализуемой, а в ряде случаев к ней подключались своего рода элементы самодержавия, хотя это и не формулировалось открыто. К сожалению, это случилось. Президентская власть,

которая в последние десятилетия доставляла много проблем нашей стране и решалась по-разному, с одной стороны – восхвалялась и выставлялась в качестве передовой, современной структуры, на самом деле оказалась идеей, которая, по-видимому, все же была ошибочной. Если эта ошибка связана с моей деятельностью, то я должен это со всей откровенностью признать. Не все было учтено и продумано. Мы не смогли предположить, что введение президентской власти, когда центральной являлась власть, основанная на парламенте, на его структурах, парламентская власть, сможет создать проблемы, которые окажутся трудно решаемыми. Я думаю, что в этом имеется и моя неудача, потому что я участвовал в идее, которая не совершилась, как это предполагалось. Введение президентских структур должно было решить проблемы управляемости, а вместо этого возникли иные направления осуществления этой власти. Что сделано, то было сделано. Надо видеть жизнь такой, какая она есть.

Вопреки замыслу, во имя которого было введено президентство, практические вопросы президентская власть не решала – ни в области реформ, ни в области реального претворения законов в жизнь. Вместе с тем, президентская власть открыла простор для самовластия, для концентрации власти у отдельных лиц, причем с элементами монархического, самодержавного толка.

И действительно, под покровом президентских структур произошла узурпация власти со стороны сохранившихся военно-чекистских сил – вплоть до формирования искусственного, неконституционного властного монстра – тандема, который сконцентрировал власть в одной точке и неизменно, независимо от должности, обеспечил сохранение всевластия одного – чекистского – лидера, опирающегося на подсобную престижную имитационную конструкцию другого властного лица, и неважно, президент он в данный момент или премьер-министр.

Это обеспечило манипулирование властью со свободой неконтролируемых перемен двух властвующих лиц.

Глава десятая ПОСЛЕ ПЕРЕЛОМА

Здесь приходится с горечью сказать, что в нашей стране, хотя и произошел отмеченный мною ранее перелом в отношении права, его верховенства, хотя и наступило осознание того факта, что право является высшим достижением цивилизации и культуры, что само по себе право несет в себе свободу людей, тем не менее, ощущается странное невосприятие права. Я не знаю, почему. Может быть, господствуют представления прежнего, еще доперестроечного времени, когда правом называли всякую власть, всякий закон, издаваемый властью.

И порой выстраивается странный единый фронт: и власть в последнее десятилетие, и демократические организации одинаково как-то сторонятся права, держат его на обочине жизни, рассматривают его как бы на периферии жизненных явлений. Между тем, здесь нужен капитальный поворот – в нашем мышлении, в наших подходах, в нашем восприятии...

Для того чтобы не воспроизводить какие-то более серьезные фрагменты опубликованных мною работ, потому что мне приходилось на эту тему много и довольно обстоятельно писать, я ограничусь одной небольшой работой. Она называется «Право – предназначение». И хотя она уже несколько лет существует в виде отдельной брошюры, я в конце настоящего сочинения хотел бы поместить фрагмент из той работы тоже: пусть он прозвучит как известное слово, сказанное в отношении того, какое место право должно занимать в нашей жизни.

«По самой своей природе и практическому назначению позитивное право призвано вносить в общественную жизнь

предельную определенность и в силу этого выступать в виде логически стройной и законченной, непротиворечивой и логически последовательной системы норм, принципов, институтов и отраслей. Стало быть, позитивное право – это логическая система, которая должна соответствовать требованиям формальной логики, или, шире, математической (символической) логики. Потому-то выводы, вытекающие из норм права, должны выражаться не в вольных и неопределенных суждениях, а в строгих, безальтернативных заключениях: только “да” или только “нет”.

С этой точки зрения право, его догма, является царством формальной логики – своего рода математикой в области права, в практической деятельности юристов. И, соответственно, методы, используемые в аналитической юриспруденции, предметом которой и является материя права, близки к тем, которые относятся к математической логике и математическому мышлению. А отсюда и фокусом работы по совершенствованию законодательства и практики его применения во многом является повышение уровня “формальной логичности” данной юридической системы, ее подразделений, устранение существующих здесь противоречий, нестыковок, несогласованностей, словом, достижения предельно возможного совершенства действующего права с точки зрения формальной логики.

Наряду с этим, характеристика права как логической системы не исчерпывается тем, что оно как никакое другое социальное явление воплощает в самой своей органике требования и правила формальной логики и подчиняется математическим методам. Ему присуща и своя, особая логика – логика права.

Что это такое – логика права? Общим образом – это математического типа специфические закономерности права как своеобразной объективной реальности, касающиеся юридических норм и, в то же время, всей материи права. Причем

так, что определенные факты, процессы и материи права неизбежно, неотвратно ведут к другим фактам и процессам или даже к явлениям высокой юридической и социальной значимости – предопределяют их наступление.

Существование логики права в указанном выше значении сопряжено, главным образом, с тем, что право – это особый мир, удивительно своеобразный и уникальный в окружающей нас действительности – мир права. Одна из наиболее существенных особенностей этого особого мира, наряду с другими важными характеристиками, заключается в том, что в отличие от других сфер действительности, представляющих собой сущее, для мира права (которое тоже является фактом наличной реальности), характерно долженствование, выраженное в нормах. Юридические нормы, образующие позитивное право, «говорят» не только и, под известным углом зрения, даже не столько о том, что есть, реально существует, а о том, что должно быть. И суть вопроса в данном случае заключается в том, чтобы в полной мере учитывать исключительное своеобразие мира права, в котором долженствование приобретает особый характер.

В чем заключается этот особый характер долженствования, свойственный миру права? Причем «особый» настолько, что с переходом человечества в условия цивилизации у общества не оказалось иного выхода, как «вызвать к жизни» позитивное право. Ибо нормативные регуляторы, сложившиеся в первобытном обществе (такие как обычаи, традиции, нормы первобытной морали и др.), оказались неспособными обеспечить в новой обстановке надлежащую упорядоченность социальной жизни, ее нормальное по требованиям того времени существование и развитие. При этом «должное», характерное для мира права, призвано и в изначальном своем виде, и в процессе перехода при помощи всей правовой материи в фактическую действительность реализовать предназначение права, в том числе с регулятивной стороны.

И, значит, помимо всего иного (которое, впрочем, как мы увидим, имеет решающее значение), обеспечить предельную определенность складывающихся фактических отношений, а также гарантий и преимуществ, которое дает право людям».

На этом мой рассказ заканчивается. Я на этом ставлю точку. Может быть, и правильно, потому что вот эта брошюра «Право – предназначение», которая явилась моей речью при присуждении мне Демидовской премии, отражает самое главное, что характеризует право, его верховенство в нашей жизни в нынешнюю пору. Так что будем ожидать дальнейшего продвижения вперед этих идей, этих мыслей, этих наших стремлений утвердить настоящий правовой порядок.

Причем мы дошли в настоящее время до того, что надо будет как-то более решительно продвигать эти идеи, в том числе, поскольку в последнее время в связи с народными движениями сделаны некоторые послабления в отношении партийной жизни. Возникла даже идея создать особую партию. Партию, которая бы называлась «Верховенство права».

«Верховенство права» – это как раз тот узелочек, который, может статься, будет работать и в экономической, и в социальной, и в духовной жизни, и определит наше будущее, будем надеяться, перспективное будущее, достаточно успешной, продвигающейся вперед страны, процветающей в нашем мире.

* * *

*Во время Международного юридического форума, проходившего в Санкт-Петербурге в мае 2012 г., С. С. Алексеев дал интервью корреспонденту портала Закон.ру (Первая социальная сеть для юристов) (www.zakon.ru). Ниже приводится его полный текст.
(Печатается по:
<http://zakon.ru/Discussions/OneDiscussion/3060>)*

– Сергей Сергеевич, как Вы оцениваете прозвучавшие на форуме заявления?

– Когда мой друг Вениамин Федорович Яковлев сообщил мне, что в Санкт-Петербурге пройдет Международный юридический форум, я отнесся к этому прохладно. Но, посмотрев пленарное заседание, я понял: форум – это явление выдающееся. Знаменателен тот факт, что впервые за все время существования нашего Отечества к нам съехались видные представители государств по вопросам права.

Не менее знаменательно существо докладов, прозвучавших на пленарном заседании. Там были замечательные выступления министров юстиции США и Великобритании, председателя Конституционного суда Франции. Все они говорили, прежде всего, на тему, которая очень близка мне и нашему Отечеству. Они говорили о том, что в обществе должно существовать верховенство права. Я считаю, что это одна из замечательных идей, рожденных нашей цивилизацией. Только право обеспечивает свободу людей и определяет ее рамки. Право – это высшее достижение цивилизации и культуры.

– Что Вы еще выделили бы в их выступлениях, кроме верховенства права?

– Ничего больше не стал бы выделять.

– Председатель ВАС Антон Иванов на пленарном заседании отметил, что некоторые юрисдикции, представители которых говорили на форуме о верховенстве права,

Интервью

пытаются распространить свое действие за пределы своей территории. Соответствует ли такая «недобросовестная», по словам Антона Иванова, конкуренция идее верховенства права?

– Могут быть такие эпизоды. Конечно, правовая система должна действовать в своем государстве. Однако главное – в ней должно быть обеспечено верховенство права.

– Почему это важно для нас?

– У нас плохо или хорошо, быстро или медленно, но демократия идет вперед. Однако ни одно демократическое движение, кроме «Яблока», о праве не говорит. Между тем, верховенство права – один из стержней демократического общества. Почему у нас не говорят о праве? Потому что у нас низкая правовая культура и тотальная недооценка права. За ней идет насилие и ручные методы управления.

– Какими практическими способами можно достичь верховенства права?

– Это сложная работа. Нужно, чтобы верховенство права утвердилось в целом. У нас его сводят к независимому суду. А независимый суд может быть очень разным. Он должен существовать в правовом контексте. Решающее значение имеет правовое воспитание и правовое обучение.

Прежде всего надо признать верховенство права как идею такой же значимости, как сама демократия. Надо внедрять конструкции, идеалы и ценности права. Должна идти медленная, но упорная работа по их введению – в школах, вузах, судебной деятельности, практической работе. Она должна быть смыслом нашей жизни.

Далее, требуется четкое разграничение права и закона. Авторитарные режимы тоже базируются на законах. Можно написать любой закон с разнообразными репрессивными мерами, что бывало ранее и частично есть сейчас.

Наконец, правовые начала должны утвердиться в сфере власти, потому что власть без права – это произвол. Требуется

защита в первую очередь личности и собственности. Иначе невозможна демократия.

– Если это так, то надо различать правовые и неправовые законы. Но надежных критериев для этого пока не предложено.

– Можно определить так: связан ли закон с неоправданным ограничением прав и свобод человека.

– Относительно прав человека: как Вы можете прокомментировать разногласия между Конституционным судом РФ и Европейским судом по правам человека?

– Права человека – универсальная категория, они имеют надгосударственный характер. Защита наших доморощенных ценностей и отдельных институтов – это не верховенство права.

Прежде всего комфортные условия должны быть для граждан. А это – верховенство права, верховенство человека. Результатом жизни человека должна быть свобода. Об этом будет книга, над которой я сейчас работаю. Наша система должна базироваться на принципе права человека. Это не просто права человека, а это когда человек на первом месте – во всякой структуре, во всяком законе или действии.

– Становление верховенства права начинается с государства или с человека?

– С простого человека. Мы должны почувствовать себя именно гражданами, людьми, у которых есть свое место в обществе и достоинство. Это видно по происходящим сейчас стихийным явлениям. Люди показывают, что они имеют мнение, хотят быть хозяевами своей жизни.

Формы государства тоже определяются правом. Настоящая демократия и свобода существуют не при президентских, а при парламентских структурах. Мало кто знает, но изначально, при Михаиле Сергеевиче Горбачеве, у нас существовала парламентская республика. Потом посчитали, что введение президентской республики поможет устранить возникшие

трудности, но этого не произошло. Напротив, президентство стало возможностью усиления власти для отдельных людей. К сожалению, Борис Николаевич Ельцин, который много сделал для нашего Отечества, тоже не удержался в этом отношении. И сейчас существует мнение: раз ты президент и отвечаешь за все, то имеешь право на все. Это неверно. Президент по нынешней Конституции, к разработке которой я имею непосредственное отношение, обладает только набором прав. Дальнейшая перспектива, по моему мнению, состоит все-таки в парламентской республике.

– Верховенство права предполагает его стабильность. Как Вы можете прокомментировать в этом отношении российское законодательство? Стоит ли сейчас менять, например, Гражданский кодекс?

– Его не собираются менять. Это хотят сделать те люди, которым не нужно настоящее гражданское право, а нужны комфортные условия для бизнеса. Вениамин Федорович Яковлев мне говорил, что основное давление на проект Гражданского кодекса идет от нефтяных, металлургических и других крупных компаний. Они просят, чтобы создавали комфортные условия для деятельности бизнеса. Но никто не говорит о комфортных условиях для граждан. Мне нравится в этом отношении мнение Андрея Илларионова, бывшего советника президента России. Он считал, что надо начинать не с экономических, а с правовых реформ – с определения места человека, гарантий его деятельности и возможности участия в экономической жизни.

Что касается Гражданского кодекса, то вначале благодаря своим учителям Борису Борисовичу Черепяхину и Александру Марковичу Винаверу я был сторонником немецкой – пандектной – системы гражданского права, которая отдает приоритет идеальным конструкциям. В последнее же время больше склоняюсь к романской системе, Кодексу Наполеона. В нем на первом месте стоит человек, а потом собственность.

– Нуждаются ли в совершенствовании другие отрасли законодательства, помимо гражданского?

– Большое значение имеет процессуальное законодательство – гражданское, уголовное и особенно административное. Посмотрите, что сейчас делается. Участника демонстрации задержали, и суд дает 15 суток ареста за сопротивление полиции. Получается, судья просто верит полицейскому. Должно быть законодательство, обеспечивающее процессуальные гарантии в административном деле.

– Вы считаете, что надо принять специальный административно-процессуальный кодекс? Надо ли при этом вводить систему административных судов?

– Да, это все нужно. Только еще и судей надо воспитывать. В некоторых странах судей назначают только с опытом практической работы прокурором или адвокатом.

– Способствует ли установлению верховенства права увеличение значения постановлений Президиума ВАС по конкретным делам?

– Я вообще сторонник прецедентов. Они очень себя оправдали в английском праве. Это не просто прежнее судебное решение, а выработка судом идеи, как решать подобные дела. Когда другой суд следует этой идее, тогда считается, что он действует по прецеденту.

– Но готовы ли наше общество и правовая система к прецедентам?

– Надо к этому готовиться. У нас дела рассматриваются быстро. Но каждое дело должно рассматриваться столько, сколько требуется по существу.

